

Библиотечный авангард информационного общества

Рассматривается стратификация российских библиотечных работников исходя из аксиомы, что судьба библиотек в грядущем информационном обществе зависит от библиотечных работников. Характеризуется авангард профессии – стража активных профессионалов библиотечного дела. Сделан вывод о необходимости признания библиотечным сообществом гуманистического мировоззрения.

Ключевые слова: информационное общество, библиотеки, инновационное развитие, библиотечные кадры, библиотечное образование, библиотечный авангард, библиотечный гуманизм.

Начнем с аксиомы: *Судьба библиотек в грядущем информационном обществе зависит от библиотечных работников.* Сумеют библиотекарские работники доказать обществу свою полезность и необходимость – сохранится в социальной структуре библиотечный институт, не сумеют – он музеефицируется, подобно древнегреческому театру. У современной техногенной цивилизации, вооруженной ядерными боеголовками ракет и Интернетом, немало забот: глобальные «вызовы человечеству», столкновение национальных культур, борьба за существование социальных страт и государств, наркомания, терроризм, дегуманизация человечества ...

Зачем информационному обществу библиотеки и библиотекарские работники? Это вовсе не риторический вопрос, а важнейшая проблема государственной культурной политики. Не будем обсуждать все причинно-следственные связи и факторы этой проблемы, сосредоточимся только на одном, на мой взгляд, ключевом предмете: *человеческие ресурсы российских библиотек*, от которых, повторю, зависит судьба библиотек в грядущем информационном обществе.

Мы располагаем обширной мемуарной персонографией, посвященной выдающимся библиотечным деятелям, результатами конкретно-социологических и социально-психологических исследований библиотечных коллективов, глубокомысленными постановочными статьями и добротными диссертациями, но все-таки нельзя сказать, что библиотечная профессиология является развитой библиотековедческой дисциплиной. Во всяком случае, она не в состоянии сообщить, какие люди будут олицетворять библиотечную профессию в информационном обществе и какими человеческими ресурсами, не в количественном, а в качественном измерении, смогут располагать российские библиотеки в обозримом будущем.

Прошлое состояние библиотечной профессии более-менее известно. В 1990 г. в результате всесоюзного исследования мы выяснили, что в советских библиотеках того времени сотрудники со специальным библиотечным образованием составляли 58,4% (16,4% – выпускники высшей и 42,0% – средней библиотечной школы) [1]. В наши дни, согласно экспертной оценке Ю. Н. Столярова, свыше 80% библиотечных работников — люди, которые «случайно, волею судеб, порой неожиданно для самого себя, связали свою жизнь с библиотекой» [2. С. 3]. Выпускники библиотечно-информационных факультетов, как правило, не планируют библиотечную карьеру, да и ряды абитуриентов этих факультетов катастрофически сокращаются. Если экстраполировать эту тенденцию в будущее, напрашивается пессимистический вывод: в библиотеках информационного общества переведутся дипломированные профессионалы библиотечного дела, и появятся «библиотеки без библиотечных работников», подобно супермаркетам без продавцов.

Вместе с тем звучат и оптимистические прогнозы. Лидер библиотечной инноватики С. Г. Матлина свидетельствует: «Сегодня при всех трудностях нашей профессиональной жизни обнадеживает главное – пришло поколение *непуганых библиотечных работников*. Они не боятся рисковать, а ведь инновационные процессы всегда сопряжены с множеством рисков. Они научились бороться за свои права, отстаивая значимость библиотечных программ и проектов, получая на них гранты. Не кадры – но творческие Личности сегодня решают все! А значит, у библиотечного дела – замечательные перспективы!» [3. С. 12].

Любопытный парадокс: библиотечная школа «разбиблиотечивается», ибо перестает пополнять библиотеки своими выпускниками, библиотеки поневоле вынуждены «обиблиотечивать» иммигрантов из других областей науки и практики, а вот эти иммигранты становятся «непугаными» библиотекарями-новаторами. И именно они предопределяют замечательные перспективы библиотечного дела. У нас появилась возможность изучить этот парадокс, благодаря почти одновременному выходу в свет двух библиотечно-профессиологических трудов: Ю. Н. Столярова [2] и Э. Р. Сукиасяна [4]. Достоинство этих трудов в том, что они позволяют судить о *качестве* человеческих ресурсов в библиотеках XXI в., причем оцениваются эти ресурсы с противоположных, но дополняющих друг друга позиций.

В профессиологической системе «Библиотека – Библиотекарь» Э. Р. Сукиасян рассматривает «Библиотекаря» с позиции объективных требований «Библиотеки» (библиотечного производства), а Ю. Н. Столярова, напротив, интересуют субъективные мотивы и взгляды «Библиотекаря» на «Библиотеку». Эдуард Рубенович – темпераментный и бескомпромиссный искатель правды; он не романтик-утопист, а многоопытный и рациональный библиотечный менеджер. В своих профессиологических поисках и оценках он руководствуется эталоном – *Библиотекарь США*, имея в виду, что «изучать американский опыт надо внимательно и серьезно» (именно так он озаглавил одну из статей, включенных в сборник [4. С. 280–287]).

Э. Р. Сукиасян настойчиво подчеркивает, что в США в библиотечную профессию приходят через практическую работу в библиотеке, но чтобы получить звание «профессиональный библиотекарь» (Professional Librarian) нужно еще получить в библиотечной школе степень магистра библиотечных наук (Master of Library Science).

Главное требование к американскому библиотекарю – высокий библиотечный и информационный профессионализм, который поддерживается благодаря непрерывному образованию и повышению квалификации, гарантирующим владение новейшими информационно-коммуникационными технологиями. Кроме того, в профессиограммы входят свободная навигация в сети Интернет, разработка веб-сайтов, использование локальных вычислительных сетей, системный анализ и тому подобные знания и умения. Можно сделать вывод, что американские библиотекари вполне подготовлены к работе в компьютерных сетях информационного общества. Это немаловажно, но Эдуард Рубенович прекрасно понимает, что «компьютеризация – не панацея, а средство, инструмент» [Там же. С. 195]. Техническая вооруженность не является для него наиболее привлекательной особенностью американских библиотек.

Сравнивая отечественную практику с американским эталоном, Э. Р. Сукиасян страстно протестует не против технической отсталости (конечно, она нежелательна), а против тупого формализма в нашем библиотечном деле. В качестве иллюстрации процитирую «филиппику», адресованную вузовским библиотекам: «Традиция у нас такая: фонды должны расти. Вредная традиция, из-за которой всегда и везде у нас тесно и пыльно. По сотне штук одного названия покупаем, строго следим за коэффициентом “обеспеченности”. Законы у нас такие, инструкции, положения. Вроде бы, по сути дела, все мы понимаем, что ведем дело совсем не так, как надо (учитывая технический прогресс). Но не протестуем. Даже против глупейших (простите, вырвалось) требований, связанных с лицензированием. Спросил знакомых американцев, что бы они сделали в подобной ситуации? И получил ответ: “Объявили бы сидячую забастовку”. Им невдомек, что мы уже давно сидим, ничего никому не объявляя. Хорошо сидим. Спокойно» [4. С. 310].

Эдуард Рубенович язвительно обличает душевную скупость, непрофессионализм и обыденную глупость коллег. Например, защищая интересы читателей-детей, он пишет: «Традиционно считается, что для работы в библиотеке надо “любить людей”, “любить книгу”. Слишком этого мало, а для работы в детской библиотеке – совершенно недостаточно. Детей надо не только любить, но и знать, понимать, уметь с ними общаться. Литературу надо читать, по возможности опережая своих читателей, – как бы это ни было трудно. Но самое главное: уметь профессионально работать. Этому нужно учиться всю жизнь» [Там же. С. 214–215]. Однако автор не теряет оптимизма. Он уверяет коллег: «Наша профессия имеет прекрасное будущее» [Там же. С. 44].

Требовательный оптимист Сукиасян не сомневается, что наши библиотекари сумеют занять достойное место в грядущем информационном обществе. Для этого, по его мнению, необходимо не много, но и не мало: «Нам надо научиться иначе работать, показывая, почему мы нужны, как и чем мы можем помочь, если с нами будут сотрудничать, взаимодействовать, видеть в нас ценных партнеров. Сначала надо воспитать в себе уважение к своей профессии. Тогда и в обществе изменится отношение к библиотекам и библиотекарям» [Там же. С. 227]. Эдуард Рубенович совершенно прав: судьба библиотек в руках

библиотекарей. Неплохо было бы, следуя его призыву, разработать общегосударственную межведомственную программу «Престиж библиотеки и библиотечной профессии» [Там же. С. 188, 189], а также реализовать другие его советы, рассыпанные по страницам его книги.

Однако я не верю в спасительную силу общегосударственных и межведомственных программ, которые превращали бы глупых и бездарных формалистов в разумных и талантливых новаторов. Остается утешаться великодушными словами Генриха Гейне: «Всякий имеет право быть глупым». Придется примириться с тем, что умственные способности, как и другие человеческие качества, распределены между людьми неравномерно. В силу этого человеческие ресурсы любой профессии *стратифицированы* по уровню профессионализма и жизненной активности. Опытный менеджер Сукиасян отмечает этот факт: «Нет никакого сомнения в том, что у нас в библиотеках одни заняты делом, другие – работу “посещают”, о третьих же хочется иногда сказать: Лучше бы не приходили, не мешали работать» [4. С. 249]. Вряд ли информатизация библиотек избавит библиотечный институт от интеллектуальных и нравственных пороков. Стратификационная структура останется неизменной, хотя возможно изменение наполнения страт.

В исследовании библиотечной профессии 1986–1990 гг. обнаружилось, что человеческие ресурсы библиотек разных типов подразделяются на пять профессионально-психологических страт [5]:

Авангард – лидеры, новаторы, которым профессия обязана оригинальными идеями, творческим поиском;

Гвардия – мастера своего дела, пользующиеся заслуженным признанием и авторитетом, но не склонные к радикальному изменению сложившихся традиций;

Середняки – работники, которые ограничиваются пассивным выполнением своих служебных обязанностей, следуя признанным образцам;

Балласт – по диплому и опыту работы относятся к профессиональной общности, но не обеспечивают ожидаемой отдачи по объективным или субъективным причинам;

Пилигримы – случайно приобщившиеся к профессии люди, не связывающие свои жизненные планы с продолжительным пребыванием в ней.

Для диагностирования принадлежности работника к той или иной страте разработан тестовый опросник. В ходе его отработки пришли к выводу, что неэтично выделять страту «Балласт», поэтому ее включили в страту «Середняки». Кстати, по мнению Э. Р. Сукиасяна, «балласт, мешающий библиотеке работать как надо» в крупных библиотеках составляет до 30% [4. С. 219]. В среднем по стране статистика такая: *Авангард* – $12 \pm 5\%$; *Гвардия* – $35 \pm 7\%$; *Середняки* – $43 \pm 7\%$; *Пилигримы* – $10 \pm 5\%$.

Именно первые две страты, численность которых в общей сложности составляет почти половину сотрудников библиотек, – ядро библиотечной профессии, обеспечивающее функционирование библиотечно-библиографического социального института. *Авангард* и *Гвардию* объединяет удовлетворенность сделанным жизненным выбором, оптимистическая уверенность в прекрасном будущем библиотек, профессиональная гордость. Представители этих страт в большинстве своем полагают, что нужен талант, в крайнем случае – врожденные задатки, чтобы стать настоящим библиотекарем или библиографом. В отличие от других страт, *Авангард* не считает, что консерватизм свойствен библиотечным работникам: около половины страты – сторонники коренных перемен. Профессиональное мировоззрение *Гвардии* окрашено консервативной осмотрительностью. Лишь треть страты считает, что библиотеки нуждаются в существенных преобразованиях, не более 10% выступали инициаторами каких-либо новшеств.

Совершенно очевидно, что социальный престиж и судьба библиотек в грядущем информационном обществе зависят прежде всего от *Авангарда* – страты лидеров и новаторов профессии. В советские времена каждый седьмой библиотечный работник проявлял профессиональную активность, а что представляют собой человеческие ресурсы библиотек сегодня, двадцать лет спустя?

Несомненно, в современных библиотеках представлены все пять страт. Вероятно, изменилось их наполнение (наверняка уменьшилась страта *Пилигримов*), но более-менее точных количественных данных нет. Нынешнее поколение библиотечных работников находится в совершенно иных условиях, чем советские библиотекари: библиотеки утратили идеологический статус и обрели свободу профессионального

самоопределения, сформировалось глобальное информационно-коммуникационное пространство, появился Интернет, получила признание идея информационного общества.

Самое же главное отличие нынешнего поколения от всех предыдущих заключается в том, что именно ему досталась очень сложная и ответственная задача – решить, каким путем и в каком качестве российские библиотеки нынешней формации смогут войти в грядущее информационное общество. Возможны два пути:

А. Технократический путь – превращение библиотек в информационные центры, обеспечивающие информационное обслуживание (сервис) государственных институтов, бизнеса, общественных организаций, отдельных граждан преимущественно на коммерческой основе;

Б. Гуманистический путь – превращение библиотек в центры библиотечного гуманизма, выполняющие просветительские, ценностно-ориентационные, морально-этические, мнемические, культурно-экологические функции на некоммерческой основе.

Каждый путь – суровое испытание библиотечной профессии, ибо, как предвидит Э. Р. Сукиасян, будут «нужны новые знания, умения и навыки ..., потребуются собственные усилия, настойчивость, воля» [4. С. 44]. Технократический путь легче, он согласуется с государственной политикой, выраженной в долгосрочной Государственной программе «Информационное общество (2011–2020)», принятой в октябре 2010 г. Технократический путь означает «разбиблиотечивание» библиотек, замену традиционно свойственных им просветительских, морально-этических, культурно-экологических традиций информационно-технологическим рационализмом. Гуманистический путь гораздо труднее, потому что библиотечный гуманизм ощущается библиотечными работниками на интуитивно-эмпирическом уровне, и он не стал мировоззренческим нормативом библиотечной деятельности. Достаточно сказать, что в солидном собрании статей С. Г. Матлиной, посвященном бескомпьютерной библиотечной инноватике [3], вообще не используется понятие *гуманизм*.

Выбор того или иного пути, конечно, зависит от ценностных ориентаций и профессионализма библиотечного авангарда постсоветского поколения. В 2006–2008 гг. предпринята попытка определить особенности духовного мира постсоветских библиотекарей [6], но эту попытку можно считать лишь преамбулой масштабного профессионального исследования, в котором нуждается библиотечный социальный институт, стоящий на пороге неведомого нам информационного общества. Существенный пробел пилотажного исследования состоит в том, что оно охватывало в качестве источника библиотечных человеческих ресурсов только очную и заочную библиотечную школу и не затрагивало другой источник – иммиграцию специалистов с неблиблотечным образованием (мы окрестили их *Н-специалисты*). Этот пробел существенен потому, что в библиотечном деле, как уже отмечалось, сложилась кадровая ситуация, когда молодые и энергичные выпускники очных библиотечно-информационных факультетов не стремятся занять библиотечные вакансии, и эти вакансии достаются учителям, филологам, историкам, иногда – инженерам.

Большинство *Н-специалистов* довольно легко адаптируется к библиотечному делу, находит свое место в библиотечных коллективах и вливается в разные страты библиотечной профессии. У некоторых «пришельцев» заметно высокомерное, снобистское пренебрежение примитивной библиотечной премудростью (это страты *Пилигримов* и *Середняков*). Но есть интеллигенты-книжники, целенаправленно стремящиеся овладеть библиотечным делом, ради этого они становятся слушателями Высших библиотечных курсов или заочными слушателями Академии переподготовки работников искусства, культуры, туризма. Именно эти люди в силу объективно сложившихся обстоятельств, по-видимому, возглавят Библиотечный авангард информационного общества. Для оценки духовной ориентации будущих лидеров библиотечного дела большой интерес представляют «искренние признания» слушателей Высших библиотечных курсов РГБ, собранные Ю. Н. Столяровым [2].

Юрий Николаевич справедливо предполагает, что «со временем их рассказы станут бесценным фактическим материалом для изучения менталитета наиболее образованной части российских библиотекарей начала третьего тысячелетия, из которых сегодня состоит основной костяк специалистов, работающих в нашей сфере» [Там же. С. 6]. Другими словами, речь идет о менталитете Библиотечного авангарда, прокладывающего дорогу в информационное общество. Судя по материалам сборника, технократические соблазны не привлекают наших коллег. Большинство слушателей Высших библиотечных курсов РГБ – *интеллигенты-книжники с гуманистическим мировоззрением*. Приведу характерные высказывания.

«Книга – это гуманно-целесообразная необходимость цивилизации»; «В окружении книг я выросла, в отрыве от литературы себя не мыслю, не читать для меня все равно что не дышать» [2. С. 43, 48]; «Любовь к слову, а с ней и любовь к книге была со мною столько, сколько я себя помню»; «Я всегда любила общаться с книгой — держать в руках, перелистывать, оборачивать, искать на полке, протирать корешки. Любимый магазин и раньше, и теперь – книжный» [Там же. С. 58, 67]; «Можно что-то получать, общаясь с другими людьми, но книги как источник жизни для души невозможно заменить ничем. Поэтому встает вопрос: в каком состоянии душа (и жива ли она вообще) у людей, которые утверждают, что сегодня книга не нужна, а мы можем найти ей замену, которая облегчит нам жизнь?» [Там же. С. 54]; «Я не понимаю людей, которые лишают себя такого удовольствия, как общение с книгой. Одна моя знакомая говорит: У вас болезнь, но болезнь хорошая» [Там же. С. 155].

Источник этой «хорошей болезни» я, вслед за Германом Гессе, назову *магия книги* [7]. Она заключается в том, что книга излучает часть духовности своего автора, взывающей к духовности читателя. Поэтому книга – это не текст на бумажном носителе, а нечто таинственное и одухотворенное. Если существует магия книги, то библиотекарь по призванию – это книжный маг, т.е. книжник, очарованный и чарующий других людей.

Очарованность книгой – один из мотивов прихода в библиотеку: «Невероятная любовь к чтению, к тому увлекательному миру, который открывает перед тобой писатель, предопределила выбор моей профессии»; «Я чувствую свое призвание к библиотечной профессии именно потому, что она имеет дело с книгой» [4. С. 45]. Но есть и более глубокая мотивация: «Что привело меня работать в библиотеку? Любовь к книге, к чтению? Да, но не только это. Любовь к книге ради книги не должна существовать. По-моему, главное – человек, служащий живому общественному делу, работающий не за деньги, а за совесть, библиотекарь-профессионал, любящий дело, которым занимается, учреждение, в котором трудится, переживающий радость от общения с людьми. Меня сразу поразило, с какой самоотдачей, творческой дерзостью, верой в значимость своей миссии работают сотрудники библиотеки» [Там же. С. 69]; «В библиотеке меня встретили не только прекрасные книги, но и прекрасные люди»; «В библиотечной работе меня привлекает особая нужность этого дела. Книги – это второй контур существования человечества» [Там же. С. 64, 52].

Библиотечная интеллигентность изначально связана с альтруистической этикой и бескорыстным просветительством, о которых не забывают упомянуть ученики Ю. Н. Столярова: «Самое главное значение книг я вижу в морально-нравственных уроках, которые мы получаем, читая»; «Книги нам объясняют, как надо жить и каким надо быть. Объясняют, как жить ПРАВИЛЬНО. Правильно в высочайшем понимании этого слова: друг для друга. Главный принцип жизни – в умении поставить общее над личным» [4. С. 50]; «Никакой Интернет не научит доброте, мужеству, любви, сопереживанию, тому, чему учит литература, особенно русская – самая лучшая в мире» [Там же. С. 42].

Гуманистическое мировоззрение авторов проявляется в том, что никто из них не сомневается – книга и библиотека сохранятся в будущем цивилизованном обществе: «Невозможно представить себе существование цивилизации, в которой бы отсутствовала книга»; «Как жизнь на Земле невозможна без Солнца, так и развитие цивилизации невозможно без книг» [Там же]; «Библиотека – источник света знаний, выводящий нас из тьмы невежества. Библиотека является показателем уровня развития общества» [Там же. С. 46].

Материалы мастер-класса профессора Ю. Н. Столярова показывают, что *Н-специалисты*, прошедшие Высшие библиотечные курсы, действительно, могут стать *Авангардом* в библиотеках информационного общества. Это люди активные и творческие, обладающие значительным жизненным опытом и осознанно связавшие свою жизнь с библиотечным делом: «Очень надеюсь, что смогу правильно применить полученные знания и сумею принести пользу библиотеке, коллегам и, конечно, читателям»; «Я пошла учиться на Высшие библиотечные курсы, потому что хочу, чтобы в дальнейшем моя жизнь была связана именно с библиотекой и чтобы для этого у меня были не только опыт и желание, но и необходимые знания» [Там же. С. 65, 87].

Подведем итоги. Можно уверенно утверждать, что Библиотечный авангард – носитель гуманистического мировоззрения. Именно в гуманизме заключаются гарантии востребованности библиотек в технократическом информационном обществе. Библиотечный гуманизм необходим информационному обществу для того, чтобы противостоять нарастающим тенденциям дегуманизации и аморальности. Сумеет ли библиотечный социальный институт выполнить свою гуманистическую миссию? Неизвестно. Ясно одно:

судьба библиотек зависит от Библиотечного авангарда, выбирающего гуманистический путь в информационное общество.

Список источников

1. **Соколов А. В., Афанасова Л. Н.** Сколько и каких библиотекарей нужно России? // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1991. – № 11. – С. 3–11.
2. **Библиотекарь: Выбор профессии.** Мастер-класс проф. Ю. Н. Столярова. – Москва : Либеря–Бибинформ, 2010. – 176 с.
3. **Матлина С. Г.** Публичная библиотека: пути инновационного развития. – С.-Петербург : Профессия, 2009. – 376 с.
4. **Сукиасян Э. Р.** Библиотечная профессия и кадровый менеджмент : избр. статьи 2004–2011. – С.-Петербург : Профессия, 2011. – 430 с.
5. **Соколов А. В., Афанасова Л. Н.** Библиотекарь–90: верификация мифов и гипотез // Сов. библиотековедение. – 1992. – № 3–4. – С. 53–70.
6. **Соколов А. В.** Постсоветские библиотекари: социально-психологические очерки. – С.-Петербург : Коста, 2088. – 296 с.
7. **Гессе Г.** Магия книги: эссе о литературе. – С.-Петербург : Лимбус Пресс, 2010. – 336 с.